

Тридцать три коровы, или Бизнес-план школьного благополучия

Владимир ДАВЫДОВ, — главный редактор журнала «Российское образование»

В условиях несусветной рыночной суеты типовым вариантом улучшения своего финансового положения образовательные учреждения избрали простейшую форму — сдачу в аренду квадратных метров школьного помещения. Предприимчивым людям уступают спортивный зал, для вечерних частных институтов — актовый зал или классные комнаты; в лучшем случае, с одобрения органов управления, открывают торговые точки — книжные, аптечные киоски. Вот и вся деловая активность.

А полезные и потенциально прибыльные проекты упираются в запретительную практику чиновников от образования. Поскольку дело школы — учить и воспитывать детей, то о каком бизнес-плане, товарищ директор школы, вы говорите?! А ну как обнаружатся злоупотребления? На такой или примерно на такой ноте обрываются все разговоры об инициативе средней школы №...

Иные чиновники могут даже по-своему посочувствовать руководителю, дерзнувшему заговорить о внебюджетных поступлениях: «Ну стоит ли надрываться? Если уж государство не справляется, то что сможете вы?»

Однако есть среди директоров школ люди отчаянные, с которыми можно идти в разведку. Ну если не в разведку, то хотя бы в рыночную экономику. А первым среди них будет достаточно авторитетный управленец или, говоря современным языком, менеджер — Макаренко Антон Семёнович.

Бизнес-план Антона Макаренко

Предлагаю вашему вниманию информативную и актуальную цитату из «Педагогической поэмы».

Началось благополучие колонистов с мечты. Очень земной мечты о сытой жизни.

«Когда я привёз в мешке двух английских поросят, один такой мечтатель, нестриженный пацан Ванька Шелапутин, сидел на высокой скамье, положив под себя руки, болтая ногами, и глядел в потолок:

— Это ж только два поросёнка. А потом они приведут ещё сколько. А то ещё сколько. И через... пять лет у нас будет сто свиней...

А теперь у нас больше трёхсот свиней, и никто не вспоминает, как мечтал Шелапутин.

Может быть, главное отличие нашей воспитательной системы от буржуазной в том и лежит, что у нас *детский коллектив обязательно должен расти и богатеть, впереди должен видеть лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой весёлой мечте. Может быть, в этом и заключается истинная педагогическая диалектика*». (Здесь и далее курсив мой. — В.Д.)

Помнят ли об этом методологическом соображении великого педагога управленцы, чинящие препятствия сторонникам продуктивной школы? Риторический вопрос.

Но вернёмся к хозяйственной практике классика и его питомцев.

«Неожиданно для себя колония начала заметно богатеть и приобретать стиль солидного, упорядоченного и культурного хозяйства.

Если так недавно на покупку двух лошадей мы собирались с некоторым напряжением, то в середине лета мы уже могли без труда ассигновать довольно большие суммы на хороших коров, на стадо овец, на новую мебель.

Между делом, почти не затрудняя наших смет, затеял Шере (агроном, а по сути «коммерческий директор» колонии. — В.Д.) постройку нового коровника, и не успели мы опомниться, как стояло уже на краю двора новое здание, приятное и основательное, и перед ним

расположил Шере цветник, в мелкие кусочки *разбивая предрассудок, по которому коровник — это место грязи и зловония*. В новом коровнике стояло новых пять симменталок (порода коров. — В.Д.), а из наших телят вдруг подрост и поразил нас и даже Шере невиданными статьями бык, называемый Цезарем.

Шере очень трудно было получить паспорт на Цезаря, но симментальские стати его были настолько разительны, что паспорт нам всё-таки выдали. Имел паспорт Молодец, с паспортом жил и Василий Иванович, шестнадцатипудовый кнур, которого я давно вывез из опытной станции, — чистокровный англичанин, названный Василием Ивановичем в честь старого Трепке.

Вокруг этих знатных иностранцев — немца, бельгийца и англичанина — легче было организовать настоящее племенное хозяйство.

Царство десятого отряда Ступицына — свиарня — давно уже обратилось в серьёзное учреждение, которое по своей мощности и племенной чистоте считалось в нашем округе первым после опытной станции.

Десятый отряд, четырнадцать колонистов, работал всегда образцово. Свиарня — это было такое место в колонии, о котором ни у кого ни на одну минуту не возникало сомнений. Свиарня, великолепная трепкинская постройка пустотелого бетона, стояла посреди нашего двора, это был наш геометрический центр, и она настолько была выложена и так всем импонировала, что в голову никому не приходило поднять вопрос о шокировании колонии имени Горького.

В свиарню допускался редкий колонист. Многие новички бывали в свиарне только в порядке специальной образовательной экскурсии; вообще для входа в свиарню требовался пропуск, подписанный мною или Шере. Поэтому в глазах колонистов и селян работа десятого отряда была окружена многими тайнами, проникнуть в которые считалось особой честью.

Сравнительно лёгкий доступ — с разрешения командира десятого отряда Ступицына — был в так называемую приёмную. В этом помещении жили поросята, назначенные к продаже, и производилась случка селянских маток.

В приёмной клиенты платили деньги, по три рубля за приём; помощник Ступицына и казначей, Овчаренко, выдавали квитанции. В приёмной же продавались поросята по твёрдой цене за килограмм, хотя селяне и доказывали, что смешно продавать поросят на вес, что такое нигде не видано.

Большой наплыв гостей в приёмной бывал и во время опороса. *Шере оставлял от каждого опороса только семь поросят, самых крупных — первенцев, всех остальных отдавал охотникам даром. Тут же Ступицын инструктировал покупателей, как нужно ухаживать за поросёнком, отнимаемым от матки, как нужно кормить его при помощи соски, как составлять молоко, как купать, когда переходить на другой корм. Молочные поросята раздавались только по удостоверениям комнезама, а так как у Шере заранее были известны все дни опороса, то у дверей свиарни всегда висел график, в котором было написано, когда приходиться за поросятами тому или другому гражданину.*

Эта раздача поросят прославил нас по всей округе, и у нас завелось много друзей среди селянства. По всем окрестным сёлам заходили хорошие английские свиньи, которые, может быть, и не годились на племя, но откармливались — лучше не надо.

Следующее отделение свиарни был поросятник. Это настоящая лаборатория, в которой производились пристальные наблюдения за каждым индивидуумом, раньше чем определялся его жизненный путь. Поросят у Шере собиралось несколько сот, в особенности весной. Многих талантливых «пацанов» колонисты знали в лицо и внимательно, с большой ревностью следили за их развитием. Самые выдающиеся личности известны были и мне, и Калине Ивановичу, и совету командиров, и многим колонистам...

Ещё дальше помещалась откормочная. *Здесь царили рецепты, данные взвешивания, доведённые до совершенства мещанское счастье и тишина*. Если в начале откорма некоторые индивиды ещё проявляли признаки философии и даже довольно громко излагали кое-какие формулы мировоззрения и мироощущения, то через месяц они молча лежали на подстилке и

покорно переваривали свои рационы. Биографии их заканчивались принудительным кормлением, и наступал, наконец, момент, когда индивид передавался в ведомство Калины Ивановича, и Силантий на песчаном холме, у старого парка без единой философской судороги превращал индивидуальности в продукт, а у дверей кладовой Алёшка Волков приготавливал бочки для сала.

Последнее отделение — маточная, но сюда могли входить только первосвященники, и я всех тайн этого святилища не знаю.

Свинарня приносила нам большой доход; мы никогда даже не рассчитывали, что так быстро придём к рентабельному хозяйству. Упорядоченное до конца полевое хозяйство Шере приносило нам огромные запасы кормов: бурака, тыквы, кукурузы, картофеля. Осенью мы насилу-насилу всё это могли спрятать.

Получение мельницы (в аренду. — *В.Д.*) открывало широкие дороги впереди. Мельница давала нам не только плату за помол — четыре фунта с пуда зерна, но давала и отруби — самый драгоценный корм для наших животных».¹

1. *Макаренко А.С.* Собр. Соч.: В 5 т. М.: Правда, 1971. С. 31 – 320, 401 – 402.

Современным руководителям учебных заведений, желающим освоить ниву подсобного хозяйства лучшей инструкции, лучшего руководства, чем «Педагогическая поэма», «Марш тридцатого года» едва ли удастся найти. В книгах есть опыт хозяйствования как в сельской, так и в городской местности.

Думаю, именно этим примерам в середине 80-х — начале 90-х последовали инициативные руководители учебных заведений. Ощувив ослабевшую хватку «параграфа», они стали обзаводиться подсобными хозяйствами, пасаками, кроликофермами, инкубаторными станциями... В дополнение к сезонным делянкам, арендованным у колхозов и совхозов, школьным садам и огородам.

Стартовый капитал

Паразитирование на родительском кошельке — давняя и застарелая болезнь школ. Благо если бы средства от поборов шли собственно на нужды детей, а то ведь в первую очередь энергичные менеджеры новой волны озаботились собственным благополучием, обустройством директорских кабинетов, наполнением их дорогой мебелью, аудио-, видео-техникой, компьютерами...

Помнится, как в преддверье зимних каникул классная наставница медицинского лицея, где учился мой сын, предложила оплатить десятидневную поездку мальчика в Лондон... в составе класса. К плате за самолёт и проживание ребёнка рекомендовалось прибавить энную сумму на билеты педагогам... Абсолютная величина, запрошенная классной дамой, превосходила полугодовой бюджет нашей семьи.

Когда я посвятил её в собственные меркантильные обстоятельства, наставница почувствовала и предположила: «Может быть, к летним каникулам вы накопите...»

— А нет ли другого способа реализации этой затеи? Например, самим лицеистам заработать на поездку...

Альтернативный вариант исполнения рождественской затеи не прошёл. Педагог высказалась в том смысле, что лицеистам, при их учебных нагрузках, не пристало сшибать гривенники на доставке газет. И холодно попрощалась.

А меня не оставлял вопрос: «Неужели стартовый капитал для всех начинаний нужно извлекать из родительского кошелька? А как же предприимчивость, деловитость и трудолюбие, которые принято поощрять в рыночных отношениях?» И почему мы, взрослые, потакающая иждивенчеству, лишаем детей возможности «видеть лучший завтрашний день», о котором писал Антон Семёнович? Почему мы сковываем детскую инициативу, не позволяем проявить волю в «радостном общем напряжении, в настойчивой весёлой мечте»?..

Стартовый капитал тем и хорош, что заработан трудом; исполнение в поте лица общей идеи, задумки, будь то полёт в столицу туманного Альбиона или туристическая поездка по

Золотому кольцу, — конечно же, расширит кругозор детей, обогатит духовно, сплотит коллектив. Помимо педагогических установок такая благая цель и её достижение — посильное участие в формировании школьного, классного бюджета — даст детям, особенно страшеклассникам, наглядный урок жизненной адаптации. Даст почувствовать им себестоимость трудовой копейки, потраченной в данном случае на удовлетворение духовных запросов.

Но ведь есть в России учебные заведения, в которых, увы, не в пример столичным лицеям, не решены проблемы хлеба насущного. Где из-за несостоятельности центральных и местных властей, преступно задерживающих выплату зарплат, детских пособий, в классах царят рахит и анемия, нередко голодные обмороки. Где дети вынуждены с родительской помощью или самостоятельно пополнять очень лёгкую потребительскую корзинку, которую правильнее назвать нищенской сумой. Кстати, в авоське этой, если верить официальной цифре, 40 компонентов: продукты питания, одежда, учебники и т.д. Американскую потребительскую корзину российский школьник не оторвёт от земли, потому что в ней 400 съедобных и несъедобных предметов... Каких? Пофантазируйте на досуге, уважаемые читатели.

О педагогах, которые не захотели мириться с тощей потребительской корзиной, разговор впереди. А прежде о счастливой встрече высокой мечты и практицизма. Итогом этого союза стало большое дело, о котором широкая российская педагогическая общественность, как мне представляется, не слышана вовсе.

Речь идёт об экспедиции гимназистов города Сарова (бывший Арзамас-16) в Южную Якутию. 22 гимназиста вместе со своим наставником Николаем Петровичем Малышевым, физиком из Российского федерального ядерного центра, а по совместительству — председателем поискового историко-литературного объединения, прошли маршрутом своего кумира — писателя-фантаста И.А. Ефремова и водрузили на гольце Подлунном памятный знак.

Экспедиция «подлунная-3»

Несколько слов о замысле экспедиции.

В 1996 году, в связи с 90-летием И.А. Ефремова, объединение решило познакомиться с литературным творчеством этого выдающегося, но обделённого вниманием школьной программы мыслителя, а по возможности и с научными трудами профессора Ефремова. Принялись за первоисточники. Серьёзно штудировали «Туманность Андромеды» и «Дорогу ветров», «Сердце змеи» и «Таис Афинскую», «Звёздные корабли» и «Лезвие бритвы»... На стенде изложили биографию писателя, указали маршруты геологических и палеонтологических экспедиций в Монголию за «костями дракона».

«Чем глубже мы проникали в мир Дар Ветра, так любовно называли Ивана Антоновича друзья и близкие, — вспоминал Николай Петрович, — тем больше мы поражались соответствию его идей, моделей, направлений преобразования мира с теми, к которым пришли мы в своём коллективе, или нашими проблемами, которые мы только осознали, но ещё не понимали, как их можно решить. Оказалось, что интуитивные поиски старшеклассников, подступы к решению нравственных и некоторых научных задач уже досконально проработаны и чётко расписаны в философских исканиях писателя. В трудах И.А. Ефремова мы нашли подтверждение правильности выбранного пути и актуальности поставленных нашим объединением целей. Большое впечатление на ребят произвели его ранние рассказы и отчёты о первых экспедициях. Поражал в них юношеский задор, настойчивость исследователя, его разносторонняя одарённость и целеустремлённость, которые позволили ему состояться и как всемирно известному учёному, и как литератору.

Ефремов сделал не только огромный вклад в науку, но и описал в своих произведениях будущие крупнейшие открытия:

- проникновение в наследственную память (рассказ «Эллинский секрет», 1942 – 1943);
- создание голографии (рассказ «Тень минувшего», 1944);
- открытие алмазов в Сибири (рассказ «Алмазная труба», 1944);
- промышленное освоение дна морей и океанов (рассказ «Атолл Факаофо», 1944).

Он предсказал:

- появление глобальных сетей связи, Интернета, телекоммуникаций (роман «Туманность Андромеды», 1955 – 1956);
- рост международного терроризма (роман «Лезвие бритвы», 1959 – 1963);
- приближение глобальной экологической катастрофы (роман «Час Быка», 1967) и другие.

Проникаясь новейшими научными гипотезами, пытаюсь предугадать, к чему приведёт их дальнейшее развитие, Иван Антонович наметил перспективы астронавтики, кибернетики, биохимии, медицины. И кому, как не учащимся физико-математической гимназии, черпать щедрый прогностический дар, проникаться ефремовской методологией научного поиска?»

Юноши и девушки не обывательски отнеслись к чтению умных книжек, а по-ефремовски деятельно и толково. Они решили сконструировать памятный знак из современных материалов (чтобы простоял 100 лет) и водрузить его в северной части хребта Удокан, на «гольце Подлунном имени И.А. Ефремова». Голец был впервые нанесён на карту будущим писателем в одной из сложных зимних экспедиций, о которой он рассказал в одноимённом рассказе: «В Восточной Сибири есть Витимо-Олекминский национальный округ... Недоступность и безлюдье этих мест исключительные. До самого последнего времени путешественники здесь не бывали... мне пришлось первому пересечь это белое пятно на карте...»

Разработка макета знака, поиск архивных материалов якутской экспедиции, карт, бесконечное обсуждение его философской прозы, — всё это захлестнуло школьников, родителей и учителей вихрем творческой энергии. Шили экипировку, запасались продуктами (сушили сухари) и ... проводили в городе вечера, встречи, посвящённые И. Ефремову.

Из докладов саровских старшеклассников, участников экспедиции «Подлунная-3».

«И если смысл жизни человека — в реализации способностей, заложенных в нём, то красота есть цель, к которой можно и нужно стремиться любому... Красота понимается им (писателем) как человеческое качество, такое же, как доброта, милосердие, вдумчивость, понимание. Красота оценивается Ефремовым как высшая степень практичности, не влекущая за собой не только стремление к достижению своих интересов, а дающая точнейший, идеально выверенный, едва уловимый компромисс между сферами мысли и чувства...»

Очень интересна связь между внутренним миром человека и его внешними проявлениями. Занимателен пример из школьной повседневной жизни. Так, обычно почерк примерных учеников красив и разборчив, материал наглядно конспектируется, решение задач логично. Такие ученики хотят объяснить написанное учителю; нестарательные ученики бессознательно усложняют учителю восприятие их текстов!»

Тарас Олесницкий, ученик 11-го класса,

Ольга Олесницкая, ученица 9-го класса.

«Нам особенно запомнилась мысль, изложенная в романе «Час Быка», о том, что прогресс общества — это духовное развитие, которое, в свою очередь, возможно в будущем только при увеличении престижности профессий, обращённых к детям — будущему человечества, то есть профессий учителей, врачей. И действительно, если технический прогресс мы сейчас реально ощущаем, то относительно духовного прогресса так однозначно сказать нельзя. Вообще духовный прогресс идёт гораздо медленнее, чем технический, а зачастую совсем отсутствует. В этом смысле воплощение идей Ефремова может дать реальный толчок духовному развитию общества уже в XXI веке. И первое на этом пути, что должно быть сделано, — это увеличение в образовательном процессе доли истории. Ведь что, как не знание истории, может позволить избежать в будущем многих ошибок, уже совершённых человечеством. Хотя это общеизвестный факт, но человечество не применяет его в жизни. Яркий тому пример в нашей стране — войны на Кавказе, которые были в середине XIX и в конце XX века, и до сих пор положение там не стабилизировалось».

Андрей Кушнир,

Кирилл Страбыкин, ученики 11-го класса.

Среди вариантов символики, которые мне довелось посмотреть, особенно приглянулась эмблема в виде розы ветров, в верхний лучик которой, указывающий на север, вписана вершина гольца Подлунного. Я не запомнил автора. Но это и не важно, важно другое — молодые люди отдали предпочтение этому растению. Роза ветров не настолько редкий цветок, чтобы претендовать на Красную книгу. Дитя дикой природы, оно не приживается в оранжереях и ботанических садах. Доступный, вроде василька или ромашки, цветок этот с острыми шипами тем не менее не всякому богачу по карману. Аромат его для людей избранных. Открытых всем ветрам морякам и хлеборобам, геологам и альпинистам, астрономам и водителям... Возделывают его люди с тонкой душой и трепетным отношением к окружающему миру, неравнодушные, чуткие сердцем, готовые прийти на помощь в любую минуту к тем, кто в этом нуждается. Саровские гимназисты, участники экспедиции, думается, из породы романтиков. Роза ветров им к лицу...

«Сложнейшую финансовую проблему (родителям путешественников, работникам Ядерного центра зарплату в то время задерживали по 6 – 8 месяцев) решили, — продолжал рассказ Малышев. — Зарабатывали на дорогу ребята, торгуя препаратами для борьбы с бытовыми насекомыми... Часть средств объединению выделила городская администрация».

В мае гимназисты совершили байдарочный поход, во время которого прикинули окончательный состав таёжного десанта. Всё готово к экспедиции: проверены и упакованы рюкзаки, снаряжение, кино- и фотокамеры, аптечка с лекарствами и перевязочным материалом (на всякий случай). 22 самых выносливых и активных участника броска на Восток, 22 отважных человека стояли на пороге неизведанного, мысленно прикидывая свою готовность к предстоящим испытаниям.

И вот отъезд. Автобус домчал их до ближайшей станции. Стремительная ночная посадка (поезд стоит 2 минуты). Как писали ребята в путевых заметках, «плацкартный вагон стал на несколько дней неторопливой машиной времени, с борта которой хорошо были видны необъятные просторы нашей Родины, переживающей не лучшие времена. Болезни затянувшегося переходного периода, особенно заметные за Уралом, на БАМе...»

Из дневника экспедиции

«Люди, меняющиеся на каждой станции, оставляли в памяти и дневниковых записях свои мечты, рассказы о нравах и традициях коренных жителей, легенды и подлинные исторические сведения, свою озабоченность будущим. Прогрохотали по мостам всех великих рек России и вот, наконец, необъятно-синий Байкал (слишком огромен, чтобы просто промелькнуть). А дальше потянулись сплошные горные хребты и тоннели, тоннели... Вынырнув из очередного Кодарского, мы окунулись в дождливую пелену Чарской котловины. Сквозь неё с трудом проглядывалось озеро Леприндо, исток реки Чары. Всё вокруг нам было уже знакомо по произведениям И.А. Ефремова, по его отчётам и документам. На языке вертелись странные названия, которые теперь уже звучали, как музыка долгожданной встречи с Автором и его героями: Калар, Кодар, Чара, Удокан, Леприндо, Тарын и Ам-мудига. Именно здесь 27-летний изыскатель И. Ефремов в 1934 – 1935 годах руководил сложнейшей зимней экспедицией, именно здесь, «в Чарской котловине, было произведено пересечение котловины по длинной оси, затем несколько пересечений по короткой оси из котловины в нагорье, в область хребтов Удокан и Кодар...» (из отчёта И.А. Ефремова о работах Верхне-Чарской партии 1934 – 1935гг.)».

Партия Ефремова пересекала котловину по длинной оси зимой, когда все реки и болота были закрыты толстым слоем льда и снега, гимназисты торили маршрут летом, которого, как сказали местные жители, «в этом году ещё и не было», а уже конец июля!

Из дневника экспедиции

«По всему маршруту в Чарской котловине, практически с первых шагов маршрута, мы вынуждены были преодолевать сплошные водные преграды: болота, реки и речушки под оса-

танельный звон комаров и мелькание мошек, беспрерывно раздеваться, переодеваться, отжимать и иногда сушить одежду. Отрадным местом в этом болотном кошмаре стала знаменитая Чарская пустыня, где брели не по воде, а по сыпучему песку, а ветерком обдувало гнус. Местность труднодоступная, но своей уникальностью привлекающая людей. Сюда добираются, используя вездеходы и даже вертолёты, и, конечно, сильно загрязнили некоторые участки. Ребята не смогли вынести такого вандализма и объявили экологическую акцию. Убрали мусор и привели в «ботанический вид» уникальное образование — оазис с чистым и тёплым озером Алёнушка. День отдыха в оазисе, и снова окунаемся в болота и дождливую морось, лишь изредка разгоняемую холодным ветром. Затем короткое пересечение в область хребта Удокан, сквозь ледяную воду ручьёв и речек, скользкий ягель и россыпи курумника на склонах гор. С тяжёлыми рюкзаками за спиной, с короткими привалами и ночёвками почти два десятка дней длится наш поход! И вот развернули базовый лагерь у подножия гольца — безлесой вершины Подлунного.

Наконец, многочасовое восхождение к вершине. В этот день, свободный от облаков, мы благополучно достигли вершины, на среднем зубце которой и был установлен памятный знак с плитой:

И.А. Ефремову: ученому, писателю, первопроходцу БАМ.

В честь 90-летия.

Нас окружали остроконечные гольцы, а вдали открывалась панорама реки Токко, где в далёкие 30-е годы проходил небольшой отряд первопроходцев. И мы не могли в этот момент не вспомнить слова Ефремова из рассказа «Гольц Подлунный»: «Наш караван из семи нарт с четырьмя запасными оленями быстро двигался по замёрзшей реке, и всё большая часть долины реки Токко наносилась впервые на географическую карту».

К концу спуска нас достал дождь, который потом лил не переставая сутки. В конце дождливых суток выглянувшая на миг из пелены облаков вершина была уже белой! Мы удачно преодолели главный водораздел Удокана. И хотя после этого хороших дней уже не было, но и в сплошной пелене дождя или в дождевой туче нас не покидало хорошее, радостное настроение. С этим настроением и шли до БАМовской магистрали. Неся на плечах, как шутили неунывающие товарищи, помимо рюкзаков ещё и облака. Просохнуть нам удалось только на Байкале, где мы задержались на несколько дней. Погода нам благоволила. На берегу «Священного моря» у одного из наших поэтов родились строки:

Хотя и много лет минуло,
Как он писал и говорил,
Но кто же, если не Ефремов,
Нам это лето подарил?!

И не только. Ефремов отрыл нам самих себя».

Стартовый капитал, вовремя позаимствованный у провидца Ефремова, у мудреца Макаренко или у самого главного учителя — жизни, непременно выведет человека, коллектив на более высокую орбиту, удалённую от прозябания и духовного запустения.

Ароматы фитобара

На страницах журнала (НО №10, 2001) мы называли некоторые общеобразовательные заведения, которые сочетают педагогическую практику с производственной. При том, что пребывают они далеко не в тепличных условиях.

К примеру, большинство сельских школ Орловщины, несмотря на слом «реформами» привычного уклада жизни, не отказались от проверенной временем практики ученических производственных бригад. Фактически брошенные государством на произвол судьбы (4 рубля 50 копеек на ребёнка из казённого кошта — цена одной булочки — сумма, далёкая от прожиточного минимума), школы в труднейшие 90-е годы выстояли благодаря хозяйственной инициативе учительского корпуса и управленцев. Сегодня производственная деятельность орловцев вкупе со спонсорской поддержкой учебных заведений, как сообщила заместитель

начальника областного управления образования Тамара Васильевна Сущенко, позволяет выделять на питание учащегося в среднем 17 рублей. Все школы, лицеи, ПТУ владеют земельными наделами (от 2,5 га и более), на которых выращивают сельскохозяйственные продукты, заполняющие (от 50 до 100 процентов) продовольственную потребительскую корзину. 20 образовательных учреждений, а их в области более 600, реализуют излишки овощей и фруктов.

Подвижничество орловских педагогов тем ещё примечательно, что они трудятся со своими подопечными на территории, пострадавшей от чернобыльского смерча. Это печальное обстоятельство отразилось и на хозяйственной практике учебных заведений. Повышенный радиоактивный фон вынудил педагогов искать дополнительные средства защиты детей. Администрация области — надо отдать должное Е.С. Строеву — даже в труднейшие 90-е годы находила возможность организовывать полноценный летний отдых школьников. Выделяли дополнительные средства, расширив возможности президентской программы «Дети Чернобыля». Значительные суммы областного бюджета и внебюджетных поступлений области направляют на укрепление здравоохранения, санитарных условий жизни и учёбы подрастающего поколения. Достаточно сказать, что все школы в проблемных районах были переведены на водоснабжение из артезианских скважин, оснащённых глубинными фильтрами. В учебных заведениях осуществляется контроль за самочувствием детей и педагогов, пересмотрены учебные программы в соответствии с рекомендациями НИИ санитарии и гигиены РАМН, кафедры психологии МГУ, введены штатные категории педагогов-психологов, социальных педагогов. 120 учителей с такой специализацией занимаются реабилитацией детей, пострадавших от радиоактивного заражения местности.

К услугам ребят кабинеты лечебной физкультуры, физиопроцедур, аэробики, классы психологической разгрузки. Оформление и озеленение интерьеров — дело рук самих школьных умельцев.

Областное управление образования, проанализировав опыт лучших педагогических коллективов (средние школы № 2и № 3 г. Болхова, №1 Дмитровского района, Нарышкинская средняя школа, Фёдоровская средняя школа Покровского района), разработало программу «Пятилетка здоровья». В результате внедрения оздоровительных технологий (эта тема заслуживает отдельного разговора), увеличения часов физической культуры индекс здоровья юных орловцев оказался выше, чем общероссийский показатель. «Если российские школьники в среднем пропускают 18 учебных дней в году по болезни, — отмечает начальник областного управления образования Александра Васильевна Копылова, — то наши отсутствуют на уроках 16 дней... 82 процента учащихся вовлечены в спортивно-оздоровительную работу. Кстати, по некоторым спортивным показателям школьники повторяют, а в чём-то превосходят результаты благополучного 1975 года».

Причём дети в этой ситуации занимают активную позицию. Они отчётливо осознали, что их будущность зависит от строгого следования рекомендациям врачей и здорового образа жизни. Во время летних каникул ребята из проблемных районов отправляются в экологически чистую местность за сбором лекарственных трав. В «зелёную аптеку» они закладывают плоды шиповника, аниса, чёрной смородины, цветы липы, зверобоя, шалфея, ромашки, листья полевого хвоща, крапивы, листья и корни лесной и луговой земляники, клубники, а осенью собирают плоды боярышника и рябины. По рецептам народной медицины, под руководством учителей и под контролем медицинских работников в осенне-зимний период дети готовят из растительных сборов отвары, витаминные коктейли — обязательные ежедневные добавки в меню. Ливенские и мценские мальчишки и девчонки запасаются таким количеством полевой и лесной растительности, что её хватает для всех городских школ и интернатов. Школьные фитобары на Орловщине — сегодня такая же норма, как столовая или спортзал.

Школы, как выразилась заведующая районным отделом образования Свердловского района Орловской области Тамара Михайловна Горбачёва, «чтобы не потерять поколения», заключили договора с хозяйствами и убирали урожай овощей и фруктов в агрофирмах «за продукты». Хозяйства, сотрудничающие со школами, в свою очередь, получают налоговые

льготы. Учебные заведения, благодаря долгосрочному партнёрству с производителями, приобретают молоко, мясо, мёд, хлебо-булочные изделия и другие продукты питания по себестоимости, а в некоторых случаях — по льготным тарифам.

Агрофирмы «Змиевская пшеница», «Нива», преуспевающие фермерские хозяйства отметились, как говорится, на ниве благотворительности. Однако школы не считают спонсорство стабильной статьёй поступлений средств. Дело случая, везения.

Свою лепту вносят ученические производственные коллективы, осваивающие пришкольные участки или арендованные земли бывших колхозов и совхозов. Урожайность на них, кстати, не уступает среднеобластным показателям. Школьники обеспечены продовольствием фактически от урожая до урожая и получают полноценное питание. Некоторые учебные заведения реализуют излишки урожая и за счёт этого пополняют учебно-материальную базу, ремонтируют классы, выделяют средства на дополнительное питание детей, вкладывают средства в летние оздоровительные лагеря. Так в Покровском районе Фёдоровская средняя школа в прошлом году реализовала излишки сельхозпроизводства на 1 миллион рублей... Согласитесь, что с таким стартовым капиталом можно оптимистично смотреть в будущее.

И Орловщина в этом смысле не единственный заповедник здравого смысла и рациональности.

Молочный фонд

А причём здесь «33 коровы»? Ведь не случайно марка Очаковского молочного завода упомянута в заголовке? Не случайно. Это название одного, пока ещё тайного, коммерческого проекта, идеей которого со мной поделился директор одной из столичных школ. Опасаясь быть осмеянным товарищами и непонятым руководством, он доверил журналу обнародовать свой замысел в надежде на то, что, может быть, кто-то из его более решительных коллег пойдёт на перспективный эксперимент в школе.

В чём суть этого коммерческого проекта? Предоставим слово его анонимному автору:

— В моей школе учатся 500 с небольшим детей, потенциальных потребителей молочных продуктов, которые их родители приобретают в магазинах... Однажды я подумал: «А почему бы нам не предложить (боюсь слова «навязать») детям покупать молоко для всей семьи в школе? 500 учеников — 500 литров молока в день. Таков гарантированный товароборот...» А дети, покупая пакет молока в школьном буфете, будут формировать наш общий «молочный фонд», проявляя при этом заботу о своих близких.

Из каких сумм мог бы складываться такой фонд? Известно, что цены, по которым завод отпускает молоко торгующим организациям, ниже оптовых и розничных. Скажем, предприятие отпускает товар торговой фирме по 10 рублей за литр молока. А торгующая организация реализует потребителям литровый пакет молока (жирность 3,2%) уже по 17 – 18 рублей. За вычетом накладных расходов разница между закупочной ценой и ценой реализованного продукта составит прибыль. Торговую прибыль. Могла бы школа рассчитывать на подобную статью дохода? Думаю, да.

К примеру, реализуя в школьном буфете ежедневно по 500 литровых пакетов молока, мы могли бы выручать — расчёты, не осуждайте меня, очень приблизительные — в среднем 2 – 2,5 тысячи рублей. За пятидневку, соответственно, сумма нашей выручки составит 10–12,5 тысячи рублей, а в месяц — 40–50 тысяч целковых...

Движение товаров, средств легко контролировать. Да мы прозрачны для любой проверки. А как применить средства нашего «молочного фонда» — тут уж самой богатой фантазии не хватит. Оставляю это занятие детям и их родителям.

Мы, конечно, не составим конкуренции торгующим организациям, а бабушки и дедушки, родители наших школьников вольны разнообразить ассортимент молочных продуктов по своему усмотрению и пользоваться услугами городских магазинов.

А если где-то моя идея приживётся, то ведь стадо из 33 бурёнок даже в городе-герое Москве можно легко удвоить, утроить. Причём не заботясь о племенных производителях, ни прибегая к биотехнологиям клонирования...

Вот такая вполне реалистичная идея не один год одолевает одного умного, честного и доброго директора школы. Которому, по его признанию, не достаёт смелости провести идею в жизнь.хлопотно это, во-первых, а во-вторых, как ему объяснили в вышестоящих инстанциях, молочные реки и кисельные берега бывают только в сказках...

Вот если бы министерство санкционировало этот эксперимент, тогда, может быть, что-нибудь путное из этой затеи вышло. А пока это блажь.

Блажь?